

Валерий Николаевич Ефремов:

Голодно было. Помню, как в 41-м после первого ранения отец пришёл домой из госпиталя, посреди ночи, пешком из Шуи, разбудил нас, конечно... Принес нам несколько «сэкономленных» на лечении концентратов из пшенной каши... Не откладывая на утро, мы сразу же все сварили и съели, и есть захотелось еще больше...

Мама готовила щи, супы из крапивы, мяса, конечно, мы не видели – где его взять? У меня до сих пор сохранилась привычка варить зеленые щи. Они были не такие, как сейчас, - в них не было белой капусты. Всю зиму мы ели щи, а летом ели всё, что росло на улице...

При этом я мечтал не только о еде - сначала о скрипке, а потом о балалайке. У нас жила – из эвакуированных - девушка Клава, я был в нее влюблен. Считал ее очень красивой, потому что она играла на гитаре, умела брать несколько аккордов, а я смотрел на нее и думал о том, как же она хорошо играет... Тогда же у меня возникла, как сейчас говорят, дилемма на тему: музыка или рисование. Рисование победило. Еще война не кончилась, а по радио объявили, что в Ивановском Дворце пионеров открывается кружок изобразительного искусства для детей фронтовиков. Всё давали там бесплатно: краски, кисти, бумагу. Я, конечно, подумал, посоветовался с мамой, записался, и целый год там учился. К слову, в это же время в кружке занималась Нина Титова, впоследствии народный художник РФ Нина Павловна Родионова.

... Через много лет, в 1975 году, я начал готовить серию рисунков о детях войны, часть их даже была выставлена в музее. А первый из них назывался «В школе госпиталя». По тем детским воспоминаниям: мы пришли в школу, а там раненые, – у меня изображен именно этот момент. Я старший, на мне отцовские сапоги 43 размера, хотя реально тогда был 37-й... И когда я весной снимал эти кандалы – казалось, что я летаю... Моя сестрёнка испуганная на том рисунке изображена, а мой брат лежит раненый, у него забинтованная нога. Это то, что я видел... И вот я показал эту картинку, а у меня ее не приняли, сказали, нужны и другие, чтобы серия была, а одна картина - «это вовсе не интересно».

Рисунки такие были, я решил их объединить, и название нашёл: «Тревога». У нас окна всегда были завешаны, если тревога, и «Руки матери»: мама режет нам хлеб, на столе картошка в мундире, и мы сидим за столом с сестренкой и братишкой, смотрим. Я старался все передать через глаза.

...После войны отец работал экспедитором на хлебозаводе. Однажды он мне говорит: «Приходи, я договорился – нам нужен лозунг». И вот до занятий в художественном училище, мы тогда учились во вторую смену, я

явился выполнять заказ. И сразу получил от отца буханку только что испеченного хлеба: «Ешь!». Буханки раньше были не такие, как сейчас, а на полтора килограмма. Я сначала съел всю буханку, без воды, без соли, без ничего. Просто так съел, и начал работать. Написал лозунг – отец еще горбушку принес, это 700-800 граммов, разрезал пополам, чтоб удобнее было кусать. Заглотал я одну половину и быстро ушел, потому что отец меня предупредил: «Ни единой крошки с собою не бери, если увидят, мы с тобой оба пострадаем». И вот, когда я полдороги от училища до дома прошел, тут-то и подумалось, что вот бы мне сейчас вторую половину...